

воды. Когда таможенный голова по истечении годового срока выезжал вместе с таможенными книгами и деньгами в Москву для отчета, воевода давал ему подорожную память и провожатых.

Откупщики и выборные головы были обязаны вести строгую письменную отчетность о собранных пошлинах. Первоначально, день за днем, данные о сборе пошлин заносились в так называемые черновые таможенные книги, «напойные», конские и другие книги.

Собранные в таможене суммы отправлялись в Москву или шли на уплату жалования местным служилым людям и подьячим, на ремонт административных и хозяйственных зданий, строительство стругов и подготовку припасов для донских отпусков. В любом случае все доходы с уездных откупов, крупных и мелких, контролировались из Москвы. Воевода мог воспользоваться ими только с разрешения соответствующего приказа. Это говорит о том, что деятельность таможенных и кабацких служб оставалась важным элементом финансовой политики государства и находилась под пристальным контролем. Постоянные отчеты, ежегодные отправки в столицу таможенных и кабацких, оброчных книг вместе с деньгами давали возможность вовремя выявить злоупотребления и недостатки и принять необходимые меры.

Таможенные пошлины и «припойные» деньги представляли собой своеобразный «банк» средств, находящийся непосредственно на местах, в уездах. Несмотря на то что местная администрация в лице воеводы не могла им воспользоваться без разрешения соответствующего приказа, в XVII в. «таможенные и кабацкие зборные деньги» составляли существенную и постоянную, стабильную долю дохода Воронежского у.

Собранные таможенными и кабацкими (кружечного двора) головами и целовальниками деньги не являлись собственностью уезда, а представляли собой «государеву казну», в которой они обязательно отчитывались. Присылать деньги из Москвы было затруднительно, это требовало и времени и дополнительных затрат. Наличие на местах значительных денежных средств, которые можно было потратить на самые разные государевы нужды, но которые вместе с тем не являлись собственно «местным бюджетом» — это характерное явление для государственной внутренней политики того времени.

Примечания

¹ ГАВорО. Ф. И-182. Оп. 7. Д. 3. Л. 2–3.

² Там же. Оп. 2. Д. 29. Л. 1.

³ Там же. Д. 50. Л. 5–7.

⁴ Там же. Оп. 1. Д. 47. Л. 10.

⁵ Там же. Д. 48. Л. 3.

⁶ Мизис Ю. А. Формирование рынка Центрального Черноземья во второй половине XVII — первой половине XVIII вв. Тамбов, 2006. С. 5.

⁷ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. Д. 27. Л. 82–83.

⁸ Там же. Л. 38–39.

⁹ Там же. Л. 151–152.

¹⁰ ГАВорО. Ф. И-182. Оп. 24. Д. 58. Л. 36.

¹¹ Там же. Оп. 2. Д. 104. Л. 1–2.

Ю. А. Мизис

ВНУТРЕННИЕ ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ МЕЖДУ ГОРОДАМИ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ В XVII — НАЧАЛЕ XVIII в.

В настоящей статье нами ставится задача проследить процесс формирования внутренних связей вновь освоенного региона, получившего в XIX в. название Центрального Черноземья. Первоначально эта территория называлась Полем, с начала XVIII в. — Азовской, а затем Воронежской губ. Этот регион имел единую историю своего формирования в ходе русской колонизации конца XVI–XVII вв., создания укрепленных линий и образования военных поселений. Предложенный регион был однотипен по своему производственному потенциалу, социальному составу населения, типу управления и специализировался на промысловым характере товарного производства. Значительная часть населения городов и сел (мелкие служилые люди, дворцовые, монастырские и владельческие крестьяне) занималась, помимо своих воинских дел, сельскохозяйственным производством для обеспечения членов своих семей, необходимым запасом продовольствия. Абсолютно преобладали мелкие служилые люди. Находясь в пограничном районе, они предпочитали заниматься сельскохозяйственным

ными занятиями. Товарных излишков здесь практически не наблюдалось. Поэтому продовольственные товары, такие, как зерно, мясо, птица, на местные рынки не поступали.

Часть населения дополнительно занималась промысловой деятельностью: охотой, рыболовством, бортничеством. Это позволяло вывозить излишки продукции на торги. Однотипный вид производственной деятельности мало способствовал внутреннему обмену между городскими и сельскими торгами региона. Наличие отдельных таможенных книг второй половины XVII в. позволяет частично проследить эти проблемы¹.

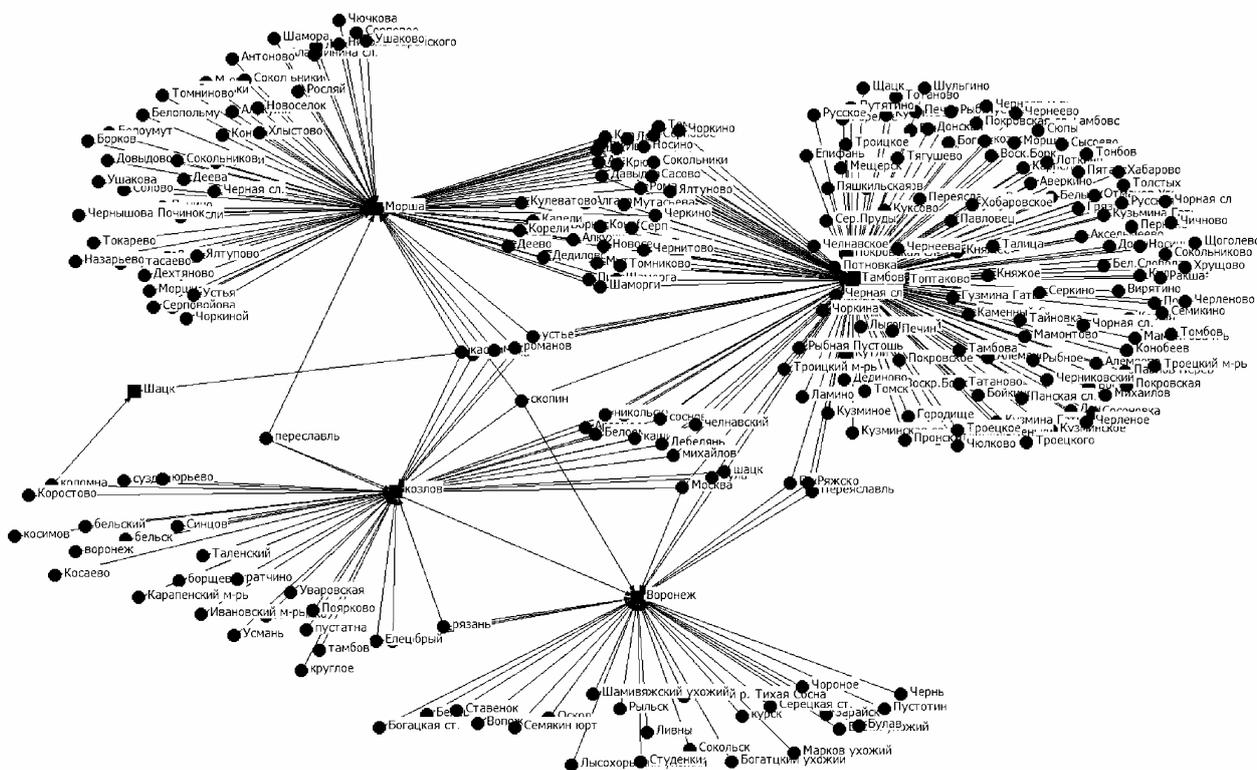
Часть товаров в новых городах на юге России попадала в межрегиональный товарооборот. Из городов юга России вывозились продовольственные товары: рыба, сало, мед, воск, частично пушнина. Ввозились одежда, обувь, головные уборы, варежки, голицы. Однако основной объем торговых сделок производился внутри региона.

Для анализа товарооборота была составлена схема торговых связей между городами Тамбов, Козлов, Воронеж и с. Морша Тамбовского у. (см. рис.). Расположенные близко друг от друга (на расстоянии 100–200 км) они идеально подходят для такого обследования. Схема показывает наличие промежуточных сельских населенных пунктов, из которых постоянно приезжали торговцы. Так, между рынками Тамбова и Морши, расположенными в 100 км друг от друга, имелась группа сел, поставщиков и потребителей продукции местных рынков. С одной стороны, эти села находились внутри этого круга: Кулеватово, Черкино, Чернитоно и др. С другой стороны, они располагались к северу от Морши, которая тяготела к обоим рынкам.

Торги Воронежа, Козлова, Тамбова и Морши имели устойчивые контакты с рядом городов, расположенных к северу от данной территории: Шацком, Ряжском, Михайловым, Лебедяню. Посадские люди этих городов регулярно выезжали в южном направлении и использовали свои рынки в качестве транзита для товаров из центра страны.

Таким образом, мы видим наличие у каждого местного рынка своего торгового ареала сельских населенных пунктов, с которыми поддерживалась устойчивая связь. Как правило, это соседние населенные пункты, создающие свою зону влияния и сбыта продукции. Главный торг втягивал их в свою орбиту. Однако выделяются промежуточные зоны влияния, которые тяготели к нескольким торгам.

Сетевая модель торговых связей рынков городов Воронежа, Козлова, Тамбова и с. Морши²

Статистический анализ таможенных книг показывает, что традиционно с торгом были связаны села и деревни данного уезда, для которых он и создавался³. Так, по Белгороду они составляли от 12 до 18 % всех торговых ставок, по Ельцу — от 11 до 30 %. В Коротояке доля местных торговцев по 6 имеющимся таможенным книгам 60–70-х гг. XVII в. сохранялась в пределах 22,7 % и 52,85 %, причем, в 1670-е гг. их вес значительно увеличился. По Козлову прослеживается тенденция снижения доли местных торговцев на торгах и увеличения численности приезжих: от 60,5 % и 85,7 % в 1650–е гг., до 26,5 % и 17 % в 1660-е гг. В Тамбове в 1650–60-е гг. доля местных городских и сельских торговцев колебалась в пределах 67–85 %, а в 1670-е гг. снизилась до 31,5 %. Даже в 1714 г. на Тамбовском рынке почти половина (48,4 %) ставок осуществлялось торговцами Тамбовского у.

Значительная доля торговых оборотов в регионе падала на соседние города. В Белгороде на торговцев из городов ЦЧР в 1654/55 г. пришлось 37 %, а в 1661/62 г. — 62 % от общего числа всех сделок. По другому крупному рынку региона — елецкому — этот показатель составлял в 1672/73 г. 13 %, в 1677/78 г. — 31 %, в 1678/79 г. — 11,6 %. В Козлове в 1653/54 г. 25,5 % всех ставок падало на торговцев ЦЧР. В Тамбове с конца 1650-х гг. по 1714 г. доля торговцев соседних рынков неуклонно повышалась с 11,5–17 % до 23–29 %.

По Коротояку доля приезжих торговцев из соседних городов составляла 31–62,5 %. Причем, по этому городу ставки местных торговцев в 1677/78 г. выросли до 53 %, а приезжих из соседних уездов снизились до 31 %. Это было связано с близостью к театру военных действий во время русско-турецкой войны и значительными рисками для приезжих.

Совершенно особняком стоит положение с торговлей в Воронеже в начале XVIII в. Фактически во время приезда Петра I на воронежские верфи сюда перемещался политический центр страны. В городе концентрировался большой отряд строителей, среди которых немалое место занимали иностранцы. Поэтому воронежский рынок в тот период становился одним из главных торговых центров страны. По Воронежу сохранилась таможенная книга 1705 г.⁴ В ней 36 % ставок составили жители Воронежа и уезда, а 30 % — население соседних уездов. В то же время жители соседних с Воронежем Козлова и Тамбова составили всего 4 % от всего числа торговцев. Высокий процент (почти треть всех торговых ставок) принадлежала торговцам центральных уездов России. Они везли сюда железо и железоделательные изделия, одежду, обувь, предметы хозяйственного обихода, а вывозили рыбу, сельскохозяйственные изделия, мед, воск.

Таким образом, статистические данные по основным рынкам ЦЧР четко показывают эволюцию новых городов на юге России от местных локальных торгов, созданных для обслуживания потребностей воинских гарнизонов, до региональных центров торговли, втягивающихся в областные торговые связи. Города региона поддерживали на протяжении всего XVII в. постоянные торговые отношения между собой. Торговцы активно общались внутри региона. В то же время торговые связи с городами центра Русского государства оставались незначительными. Торговцы привозили, в основном, продовольственные товары или выступали промежуточным звеном по поставкам промышленных товаров из Центра России в южные города. Таким путем на торгах юга России оказывались металлоизделия, одежда, обувь, головные уборы, посуда. Гораздо ниже оставалась доля торговцев из Центральных районов страны. Вести далеко на юг свои товары для них оказывалось невыгодно и опасно.

Юг России почти до середины XVIII в. сохранял свое промысловое значение. Только резкие перемены в социальной и демографической структуре населения, приход сюда крупного помещичьего хозяйства, вложение значительных финансовых средств позволили в значительной мере изменить место ЦЧР в экономической жизни страны и превратить этот регион в аграрный центр.

Примечания

¹ РГАДА. Ф. 210. Денежный стол. Кн. 104. Л. 214–272, 710–764; Кн. 105. Л. 261–291; Кн. 189. Л. 126–156; Кн. 319. Л. 712–788; Кн. 329. Л. 242–311, 615–779; 820–253, 1680–1763; Кн. 342. Л. 632–750, 1976–2132, 2137–2143; Кн. 371. Л. 692–697; 811–933; Ф. 829. Оп. 1. Кн. 1751. Л. 87–95; Кн. 1755; ГАВорО. Ф. 182. Оп. 2. Д. 64; Д. 81. Л. 1; Д. 78. Л. 4–40; ОР РГБ. Ф. 178. Кн. 314. Л. 286–321; Д. 9988. Л. 480–1161.

² Сетевая модель выполнена по нашей базе Р. Б. Кончаковым.

³ Расчеты сделаны на основании базы данных, представленной в монографии: *Мизис Ю. А. Формирование рынка Центрального Черноземья во второй половине XVII — первой половине XVIII вв. Тамбов, 2006. С. 638–723.*

⁴ ГАВорО. Ф. 182. Оп. 2. Д. 64.